

Глава 12. Охотничьи страсти.

Ещё не начиная этой книги, ещё только смутно предчувствуя её, я уже тогда с тайной радостью знал, что рано или поздно мои герои отправятся на охоту. Теплеет на душе от мысли, что рядом с героями ещё раз сможешь хватить воздуха охотничьей страды, того азарта, который для тебя теперь, увы, заказан.

Белесая кромка озёрного берега, чуть подсвеченная зарёй. Чёрный горб шалаша, похрустывает прошлогодняя трава. И время от времени доносится из небесной выси свист острых крыльев. Тогда ты нажимаешь гашетку ружья, и оно гремит... Ах, счастье человеческое, наше счастье земное — охота!

Они разошлись по двое, залегли в засадках вокруг богатого дичью озера — Ойбон-кюель. Аласову и Кубарову досталась южная оконечность. «Местечко приличное, я тут не раз брал», — похвалил Фёдор Баглаевич.

К старой городьбе, когда-то сооружённой косарями, примостили колья, надёргали из копён сена, забросали сооружение. Получился скрадок.

— Э, да ладно... Хватит, друг, надрываться, — остановил Кубаров Сергея. — Северная сторона скрыта, и достаточно. Сегодня ночь будет пасмурная. Самый гусиный лёт.

Аласов уложил последнюю охалку и с удовольствием растянулся рядом со своим напарником, на всякий случай примостив двуствольную «ижевку» под локоть.

Пока они возились со скрадком, небо потемнело. С озера тянуло мозглым духом осенней воды, горько погибающей листвы.

Кубаров попыхивал трубкой, дымок синей струёй уходил в заросли.

Ощутив под ладонью холодную сталь «ижевки», Аласов вдруг вспомнил, какое испуганное лицо было у пьяницы Антипина, когда тот увидел ружьё: жидок оказался на расправу!

Последние дни этот Антипин не выходил из головы: перед глазами стояла испитая рожа, всё виделись взлетающие кулаки, глаза несчастной Аксиньи. Ударил человека, да ещё на глазах учеников. Растерялся, увидев, что женщину душат, и ударил.

После того как ребята извинились перед Пестряковой, Аласова поздравляли со всех сторон: «Десятого класса просто не узнать, это надо же так уметь воздействовать на ребят!» Ещё муторнее от этих похвал. Нет, нужно, не мешкая, рассказать всё директору — умел кулаками махать, умей и ответ держать.

Застав в учительской обоих, Кубарова и Пестрякова, он решительно начал было: «Тимир Иванович, Фёдор Баглаевич! Позвольте мне кое-что объяснить вам насчёт десятого класса...»

«И-и, Сергей Эргисович, дорогой! — Тимир Иванович не дал ему и договорить. — Зачем объяснения! Всё кончилось благополучно, и не будем

размазывать пальцем по столу... Жму вашу славную руку, Сергей Эргисович, и бегу домой... Вы ведь с нами завтра на охоту? Постреляем гусей на перелёте? Ну-ну, без разговоров. До встречи на охоте!»

«До встречи...»

Чёрт возьми, сказал себе тогда Аласов, как всё-таки мир естественней для человека, чем ссора! Однако благодущие в один миг слетело, когда Аласов, придя домой, услышал от матери: «К тебе тут пьянчужка-моторист приходил... И что у тебя, сынок, может быть общего с этим обормотом?»

Вот так штука, уж не задумал ли его «должник», проспавшись, продолжить с учителем кулачный разговор?

Тревога оказалась ложной. Голубь мира в этот день словно воспарил над грешной головой Аласова. Моторист заявился вскоре, трезвый и смущённый, как девушка. Тискавая картуз, он стал невнятно объясняться: «Прощения просим. Говорят, с ножом я... Ничего не помню. Детей пожалейте, не заводите дело».

И тут Аласов непроизвольно потянулся к «ижевке» (как раз чистил ружьё к сегодняшней охоте), — нужно было видеть, как в испуге шарахнулся верзила с табуретки...

Под глазом у Антипина чернильной кляксой растёкся синяк, — Аласов поёжился смущённо: моя работа. Синяк этот, извинения, поясные поклоны за жену — всё было в такой степени тягостно и постыдно, что Сергей вздохнул с облегчением, когда гость наконец, распрощавшись и натянув на свою кудлатую голову картуз, исчез за дверью.

Вздохнул и тут же кинулся вслед.

«Эй, Антипин! Послушайте, Антипин, а деньги у вас есть?»

«Деньги-то? Деньги... да... были, да...»

«Нате вам маленько. Купите ребятам поесть. Берите, берите! Заработаете, вернёте... Не на водку ведь, на хлеб детям...»

«Какая водка! Да провалиться мне! Вот клянусь!»

Вспоминая эту картину сейчас, в охотничьей засаде, Аласов даже головой покрутил.

Фёдор Баглаевич придвинулся поближе, снизу вверх глянул медвежьими глазками.

— Слышь, Серёжа. Вот мы вдвоём только... Откройся старому учителю: как это ты сумел на десятый класс повлиять? Ну, хорошо, хорошо, не буду! — замахал он руками, видя, как скривился Сергей, словно ему на ногу наступили. — Не хочешь, не говори. Секрет мастера...

— Однако гуси нас презрели, — перевёл Аласов разговор.

И только он это сказал, на северном берегу взметнулись в зенит два огненных хвоста, через секунду, сливаясь в единый гром, ахнули два выстрела, хлётко отдались по воде.

Аласов и Кубаров мгновенно схватили ружья. Но голоса всполошившихся птиц стихли где-то в стороне.

— Поторопились, черти. Ведь договорились — стрелять, когда гуси к самому озеру подлетят! Один промажет, другой помог бы... Два слепца собрались...

— Кто там у нас?

— Да Тимир Иванович в своих золотых очках... и Кылбанов-вьюн...

— Вьюн?

— Не вьюн, а самый настоящий желтобрюх. Не мне бы это говорить про учителя, но я тебя, Серёжа, насчёт этого Кылбанова как сына родного хочу предупредить: остерегайся. Человек из тех, что и шёпот на верёвку нанижет.

— Спасибо, Фёдор Баглаевич, — засмеялся Аласов. — Только бояться-то мне нечего. Самогонку тайно не гоню, фальшивых ассигнаций не печатаю.

— А кто тебя знает, — хихикнул Кубаров. — Вы ведь молодые, ух!

Ночь заметно свежела. Лужица у ног Аласова подёрнулась тонким ледком.

— Ычча! Холодно! Плохо наше дело, голова мёрзнет, — Фёдор Баглаевич опустил наушники меховой шапки. — Эгей! Охотнички!.. — завопил он в темноту.

— Э-эгей! — раздалось из дальних зарослей. — Фёдор Баглаевич! Аласов! К костру давайте!

Когда напарники добрались до овражка в ивняковых зарослях, там уже весело трещал костёр, все были в сборе. Кылбанов, Тимир Иванович, который чистил ружьё, Роман Иванович Сосин — математик. Дымил папироской Нахов. Молодой Евсей Сектяев, не дожидаясь чая, уже что-то жевал. Халыев, русист, немногословный человек, ладил над костром большой железный котёл.

— Будет чаёк? — весело спросил его Аласов.

Русист взглянул на него и утвердительно кивнул. Поговорили.

— А наш Кылбанов, наш Аким Григорьевич дорогой, перед тем экзаменом всю ночь в скрадке просидел... — Уже начал первую охотничью байку у костра повеселевший Фёдор Баглаевич; Кылбанов, став героем анекдота, заранее скривился. — Только ты не обижайся, Аким Григорьевич, я ведь правду говорю, ничего не выдумываю. Просидел он, значит, полную ночь в скрадке, а наутро экзамены. Только и успел, что штаны переменить. Явился в класс, присел за столом комиссии, дремлет потихоньку. А тут девочка одна вышла отвечать, Машенька, я её помню, такая голосистая, так и звенит. Не знаю, что уж нашему Акиму Григорьевичу приснилось, только он вдруг в самом неподходящем месте

ка-ак взлетит над столом: «Гуси! — кричит. — Гуси!..» — и хватя Тимира Ивановича за руку — он рядом сидел. Девочка с перепугу к порогу.

Все рассмеялись, пронял смех и самого Акима Григорьевича.

— Охо-хо... «Гуси», значит!

— Вот это охотник! Девочку за гусёнка принял! Счастье, что ружья при нём не было...

— Тимир Иванович, неужто всё так происходило?

— Не скажу, чтобы в совершенном подобии... — начал дипломатично Пестряков, но ему не дали говорить.

Вскипел чай в котле. Усевшись в кружок и расстелив газеты перед собой, охотники стали выгружать припасы из рюкзаков.

Аласов извлёк несколько бутербродов, кусок варёного мяса, солёный огурчик, а к огурчику — пузырёк. «Нынешнего мужчину без вина на гусей и не выгонишь», — сказала мать, когда он засомневался было насчёт пузырька. Взять взял, а сейчас почувствовал себя с этой посудиною не совсем уверенно. После драки с Антипиным вдруг стал ощущать какое-то сомнение во всём: скажут, он к тому же ещё и выпить не дурак. Поистине, горек удел человека с подмоченной репутацией!

Вот и Нахов достаёт свою снедь:

— Та-та, — пощёлкал языком Кылбанов. — Не многовато ли, товарищ Нахов, прихватил на одного?

— Почему же на одного? Я ведь знал, что ты, братец, будешь пустым сидеть, слюну глотать. Я и на тебя рассчитал. Ох, люди, люди! — с неожиданной ловкостью он сгрёб всю снедь. — Общий котёл, по-солдатски!

— Мо-моя! — только и успел крикнуть Кылбанов вслед заячьей ножке.

Развеселившиеся охотники принялись чаёвничать.

— Ну, как вам у нас, Сергей Эргисович, нравится? — спросил общительный Сектяев, самый молодой среди присутствующих; было видно, что ему-то всё нравится. — Как находите охоту в здешних местах?

— Хорошая охота. Хоть и не подстрелили пока ничего. Когда-то на этом озере мы по дюжине уток брали за зорьку.

— «Когда-то»? Вы, Сергей Эргисович, совсем как Фёдор Баглаевич, о старине-то...

— Всё-таки двадцать лет прошло.

— Двадцать! Ого! Вы, оказывается, тоже имеете право о силачах и бегунах рассказывать.

— А представить только, что здесь ещё через двадцать лет будет, в нашем Арылахе! — заметил кто-то.

— Да ничего особенного, — вставил Нахов с усмешкой. — Если верить газетам, коммунизм будет, только и всего.

— Что значит — «если верить газетам»? — встрепенулся Кылбанов. — Я вас хочу при всех спросить, Василий Егорович, что значит «если верить газетам»?

— Только то, что слышали, — Нахов смахнул со лба чаевой пот. — Уж не донос ли куда собираетесь соорудить? Так я вам могу ещё материала подкинуть.

— Товарищи! — закричал Кылбанов. — Будьте свидетелями оскорбления!

— Ай, хватит вам, — остановил их Фёдор Баглаевич. — Что за мужики пошли.

Но, осудив обоих, он при этом, на всякий случай, собственноручно налил опасному человеку Кылбанову стопку.

— Угощайтесь, Аким Григорьевич!

— О будущем хорошо на днях Всеволод Николаевич сказал... — вспомнил Аласов.

— Старик Левин — ух, умница! — вскинулся Сектяев.

— Вот-вот! А вам всё кажется, что старики так себе! — Кубаров даже грудь выпятил. — Старики — они...

Но такой благостный поворот беседы был не по вкусу ершистому Нахову; он с упорством набивался на скандал:

— Старик Левин о главном думает: наше дело человека растить, а не проценты да рапорты! Хвастаемся: практика в колхозе. А землю они любят? Научили мы их любить? Только бы табличку привесить: сто процентов, тыща процентов! А наших медалистов с позором в институтах заваливают. Вот как мы работаем на коммунизм!

— Верно, Василий Егорович! — взвился Сектяев. — Вот верно!

— А что «верно»? — поинтересовался Тимир Иванович, до того хранивший молчание. — Кто мешает вам работать так, как товарищ Нахов?

В темноте было видно, как смешался Сектяев, даже отодвинулся от костра.

— Я это к тому говорю, — пояснил завуч, — что критику «мы все, мы вообще» считаю демагогией. Прошла пора, когда нас всех чохом накрывали, одним мешком. Сейчас времена деловые. «Не выполняем своих задач»... Кто именно? Фёдор Баглаевич? Сектяев? Аласов? Я — как заведующий учебной частью школы? Нет, каждый из нас выполняет свою задачу. Я лично делаю всё, что в моих силах. Может, это вы, товарищ Нахов, говорите в порядке самокритики? Тогда, будьте добры, разверните свой тезис поконкретнее на ближайшем педсовете...

— Ух, как красиво! — восхитился Нахов, ничуть не смущённый скрытой угрозой. — Но я только и твержу на всех углах: дайте мне возможность

высказаться перед коллективом! Я вам фактами докажу, что наша школа плохо выполняет свои задачи...

— Погодите-ка, друзья, — Фёдор Баглаевич встал и подошёл вплотную к спорящим. — Во всяком деле должно знать меру... Или вы пришли не охотиться, Василий Егорович? И на озере хотите продолжать свои склоки? Дайте наконец отдохнуть людям спокойно! Ночь уже проходит.

— Верно, товарищи, к оружию!

— А то и пёрышка не принесём...

Все дружно поднялись, двинулись к воде. Аласов помог подняться с земли Нахову. Василий Егорович, опёршись о плечо Сергея, несколько раз подпрыгнул, разминая затёкшую ногу с протезом.

— Вот какой я охотник теперь, — грустно проговорил он. — То ли дело, когда ноги целы...

— Василий Егорович, — сказал Аласов укоризненно. — Ну на черта вы завели этот разговор? Действительно, нашли подходящее место.

— Возможно, и не к месту, — виновато вздохнул Нахов. — Но меня интересует: а вы лично как? У вас что, для таких разговоров специальные часы выделены?

Сергей убрал со своего плеча тяжёлую руку Нахова, закинул ружьё за плечо, ответил как можно спокойнее:

— Прежде всего, не надо меня ни в чём подозревать. Вы своей подозрительностью, Василий Егорович, точь-в-точь повторяете Кылбанова. Он тоже любит ловить на слове.

Тут Нахов взорвался.

— Любители круглых фраз! Философы-теоретики! Уж я-то знаю, что за вашими круглыми фразами стоит. Одно желание — кругло жизнь прожить, да-с... А от вас, Аласов, густым духом прёт, хоть нос затыкай. Решили поладить со всеми в нашем бедламе? Позор — заставлять ребят ползать на брюхе перед этой... Пестряковой! Знаете ли, такого ловкача у нас ещё не было...

— Слушайте, вы! Ещё одно слово... — Аласов схватил Нахова за руку. Тот закачался, едва удержавшись на протезе.

Через ивняковую чащу, круша сапогами всё на своём пути, Аласов зашагал прочь.